

Положение было срочным, и Юй Шанчжи попросил Сюй Байфу созвать всех деревенских, чтобы объяснить происхождение болезни и необходимые меры предосторожности.

Местом сбора была молотильная площадка — как заведено, медный гонг возвестил о собрании: каждая семья должна была прислать хотя бы одного представителя, чтобы выслушать, о чём пойдёт речь.

От дома Чжуан отправился сам дядя Чжуанцзы, и только спустя две четверти часа он вернулся. Едва он переступил порог, как жена поспешно захлопнула за ним калитку, будто надеялась, что так болезнь не проникнет в дом.

— Что говорил староста? Это как-то связано с детьми, что заболели в деревне?

— Конечно связано, — отозвался Чжуанцзы. — Ради этого нас всех и собрали.

Он подошёл к кувшину с водой, зачерпнул ковш и начал мыть руки, тяжело вздыхая.

— Староста сказал, что эта болезнь — настоящая эпидемия. Симптомы: жар, язвы во рту, сыпь по телу. Особенно подвержены ей малыши до шести лет, но и дети постарше, и взрослые тоже могут заразиться.

Лицо жены Чжуанцзы тут же побледнело. У них было трое детей. Старшая — дочь, недавно выданная замуж. Средние и младшие — оба мальчики: одному одиннадцать, младшему — всего четыре.

После рождения второго сына она тяжело болела и думала, что больше не сможет родить. Но прошло много лет — и вдруг неожиданно снова забеременела. Младший сын был в семье на вес золота. Да только был он, по правде говоря, не слишком смыслённый — может, потому что родился поздно. Сверстники в его четыре года казались куда сообразительнее.

— Всё это староста сказал?

Чжуанцзы бросил взгляд на жену:

— Говорил староста, да. Но ясное дело — это Юй-ланчжун рассказал ему. Уже несколько дней он сам ходит по дворам, осматривает детей, назначает лекарства.

Жена Чжуанцзы тоже всё это понимала, но всё же, нервно сжав ладони, начала их теревить.

— Я-то слышала, что он осматривает... Но разве кого-то уже вылечил?

Чжуанцзы поставил ковш с водой обратно в кадку:

— Ну не придирайся ты так. Ты ведь веришь во всё, что твоя младшая сестра наговорит, а я верю тому, что сам своими глазами вижу. Да и скажи, вот если эта хворь и до наших доберётся — неужели не позовём Юй-ланчжуна?

— Тьфу-тьфу-тьфу, не каркай! — фыркнула жена и, развернувшись, ушла в дом, бросив через плечо: — Наш младшенький растёт в заботе, бережём мы его, как зеницу ока. С чего бы ему заболеть?! Не верю я в это!

Дядя Чжуанцзы покачал головой, глядя ей вслед. Жена у него, по сути, добрая, и обиду на Юй Шанчжи она держит скорее всего только потому, что о нём слышала от своей сестры.

А потом он подумал о другом: староста велел всем почаще мыть руки, убирать за скотиной. У них дома с этим строго, ведь делают тофу на продажу, чистота всегда была на первом месте. Глядишь, и вправду пронесёт мимо их младшенького.

Но беда, как водится, всегда приходит туда, где её меньше всего ждут. Потому что из-за излишней заботы о сыне, в свои четыре года он всё ещё спал с родителями. И вот ночью, когда жена Чжуанцзы во сне перевернулась и прикоснулась к сыну, тут же вскочила — он был горячим, словно горел в огне.

Она тут же встряхнула мужа и разбудила в панике.

— Муженёк, посмотри скорее, что с младшим! — взволнованно вскрикнула жена Чжуанцзы.

Спустя всего четверть часа Чжуанцзы уже нёс младшего сына на спине, а рядом с ним, семеня мелкими шагами, наклоняясь вперёд от тревоги, бежала его жена. Вдвоём они спешили к дому семьи Вэнь.

Они думали, что в такой поздний час — уже почти час Хай (около одиннадцати вечера) — Юй Шанчжи наверняка давно лёг спать. Но, подойдя к дому, увидели, что восточная комната, где он принимал больных, по-прежнему ярко освещена.

— Если всё равно беспокоитесь, то подождите здесь полчаса, — говорил Юй Шанчжи, заканчивая осмотр одной из семей. — Когда температура спадёт — отправитесь домой. Этот отвар нужно выпить в два приёма.

Не успел он закончить, как к нему подошли из следующей семьи — оказалось, что дома нет горшка для отвара, можно ли воспользоваться здесь?

— У нас-то горшки есть, — ответил Юй Шанчжи, — но в доме и свои тоже нужны. Если срочно — дам на один раз, но в Шуймоу продаются горшки, стоят недорого. Завтра лучше пусть кто-

нибудь из ваших сходит и купит.

В это время Вэнь Ецай вернулся снаружи с тазом воды в руках. Войдя в комнату, он увидел своего мужа, окружённого со всех сторон людьми, которые говорили все разом, перебивая друг друга, и сам он уже не знал, кому отвечать.

— Расступитесь, все расступитесь! — строго сказал Вэнь Ецай, ставя таз. — Всё, что не касается болезни детей, — спрашивайте у меня!

И, подхватив услышанную у двери реплику, добавил, повернувшись к одному из мужчин:

— Скажу тебе, Пань У, горшок этот стоит всего несколько медных монет. Ты и так вечно скупердяйничаешь, но раз ребёнок болеет, может, хватит уже экономить на всём подряд, а?!

Мужик, которого звали Пань У, прославился в деревне своей скупостью. Очевидно, что у него имелись и дом, и поля, но одежду он носил такую, что заплатки лежали поверх заплаток, и даже тогда, когда вещь становилась совсем непригодной, он всё равно не выбрасывал, а кроил из неё пару стелек или делал обувь.

Детей у него бегало по двору целая орава, но чем больше их становилось, тем крепче он держал кошелек. Говорили, что даже на праздник в его доме не позволяли себе жарить на масле, а только слегка протирали горшок кусочком сала.

Если бы ребёнок не заболел так тяжело, он бы, пожалуй, и на осмотр, и на лекарство денег не дал. А тут сразу несколько сотен вэней — для него это словно нож в сердце. Но при этом на лекарства он раскошелился, а вот на горшок — пожалел. Хотел воспользоваться чужим.

Вэнь Ецай, зная Пань У, не поверил, что в их доме и вправду нет своего горшка для лекарств. Не иначе как решил и на дровах сэкономить, сварив сразу две порции в одном.

И стоило ему это вслух сказать, как в комнате раздались возгласы других деревенских:

— Пань У, мы сюда все ночью пришли только ради того, чтобы детям помощь получить, Юй-ланчжун и так еле-еле успевает всех осмотреть. А ты всё никак не угомонишься со своим горшком!

— Точно! Это ж не простая болезнь, а зараза, не дай бог! У тебя ведь и правда есть деньги — не такой уж ты бедняк, чтобы копейки зажимать в такой момент!

Все начали говорить враз, каждый добавлял своё — и всё это обрушилось прямо на голову Пань У. Его жена, женщина тихая, молчаливая, стояла сбоку, не проронив ни слова.

Но если бы у Пань У была хоть капля стыда, он бы давно сдался. Увы, таков он был по натуре: вцепился, как клещ, и всё твердил, что непременно хочет воспользоваться лекарственным горшком семьи Вэнь. Вэнь Ецай вздохнул про себя, молча повёл его жену к дому, думая с досадой: «Хорошая вроде женщина, как же ей угораздило связаться с таким человеком...»

И стоило им выйти во двор, как навстречу поспешно подошли Чжуанцзы с женой.

— Дядя Чжуанцзы? — окликнул Вэнь Ецай.

Во дворе было темно, света не было видно, и он не сразу понял, кто перед ним. Лишь когда те подошли ближе, узнал.

— Это я, Цай-гер. Мой младшенький, похоже, тоже подхватил заразу, жар у него поднялся... Вот мы и подумали — лучше сразу к Юй-ланчжуну, — поспешно объяснил Чжуанцзы.

Вот тебе и ещё один, подумал Вэнь Ецай с внутренним вздохом.

Он указал рукой на дверь:

— Шанчжи внутри, заходите.

Проходя мимо, Вэнь Ецай взглянул на жену Чжуанцзы. Та быстро опустила голову и молча поспешила вслед за мужем.

У младшего сына Чжуанцзы жар действительно оказался сильным — едва Юй Шанчжи приложил руку ко лбу мальчика, лицо его сразу помрачнело. Это был тяжёлый случай — хуже, чем у всех детей, которых он уже осматривал.

— С таким жаром вам не стоило его сюда вести, — сказал он строго. — Мне самому надо было прийти к вам.

Такого ребёнка уже так просто не отправишь обратно. Юй Шанчжи сразу велел уложить мальчика на заднюю кровать. В комнате была всего одна кровать, но к счастью, дети были ещё маленькими, и если укладывать их поперёк, то помещалось сразу несколько.

Вскоре Вэнь Ецай вернулся и встал рядом, помогая Юй Шанчжи, подавая иглы.

Жена Чжуанцзы своими глазами наблюдала, как Юй Шанчжи, будучи слепым, точно и без колебаний ставил иглы в нужные точки. Его движения были уверенными, ни малейшей заминки.

Прошло немало времени, прежде чем процедура завершилась. Чжуанцзы, всё это время стоявший рядом, к тому моменту чувствовал, что рука у него вот-вот посинеет — жена с такой силой вцепилась в неё от тревоги, что он лишь тихо втягивал сквозь зубы воздух, боясь вслух пожаловаться.

— У этого ребёнка симптомы тяжелее, — наконец сказал Юй Шанчжи. — Если жар не спадёт в течение ближайшего времени, придётся снова ставить иглы.

Он выглядел крайне утомлённым, но всё равно держался, не позволяя себе ослабеть. Потом, когда в комнате стало уж слишкомлюдно, он твёрдо сказал, что от каждой семьи может остаться только один человек. Вэнь Ецай тут же вышел выгонять лишних. Как и следовало ожидать, остались в основном матери или геры-отцы.

Жена Чжуанцзы устроилась на краю кровати рядом с гером по имени Цзи Лэ, которого все звали Лэ-гер. У него тоже был ребёнок — гер, худенький, слабый. Сейчас малыш лежал у него на руках, сжавшись, временами слабо шевелил руками и ногами, словно ему было не по себе, но вёл себя смирно.

Жена Чжуанцзы осторожно потрогала лоб сына. По другую сторону кровати один мальчишка хныкал с поджатыми губами, а одна девочка крепко вцепилась в руку матери и не желала отпустить.

Она тихо обратилась к сидевшему рядом Лэ-геру:

— Всё ж таки геры тише и покладистее, чем мальчишки. Жаль, мне не довелось родить такого...

Все в деревне хоть раз покупали у семьи Чжуанцзы тофу, так что с его женой были в знакомстве.

Лэ-гер поджал губы, лицо его оставалось озабоченным:

— Нам, герам, зачать сложно, и дети рождаются слабее, чем у женщин. Вот я уже столько часов как на иголках. Хорошо хоть Юй-ланчжун в медицине толк знает.

Жена Чжуанцзы с любопытством спросила:

— Я ведь сегодня впервые к нему обращаюсь. Неужто он и вправду такой уж знающий?

Лэ-гер, человек мягкий по натуре, к тому же по возрасту был моложе, потому с ней — старшей — сначала держался почтительно и сдержанно. Но стоило речь зайти о Юй Шанчжи, как он сразу разговорился.

— Ещё бы! Тетушка, да вы не знаете: мой Тянь-гер чуть жаром не сгорел, и к тому же хлестало из него и сверху, и снизу... всё разом. Я сам так перепугался, ноги ватные стали. Потом, правда, понос прекратился, но вот рвота всё не останавливалась — даже воду не удерживал.

— Муж мой хотел уже самого Юй-ланчжуна домой позвать, но народу здесь тьма — его не отпустили. Пришлось нам самим, как есть, принести ребёнка сюда. А вы знаете, что дальше?

На этом месте Лэ-гер впервые за вечер слабо улыбнулся:

— Юй-ланчжун только одну иглу поставил — и как рукой сняло. Рвота прекратилась. Потом мы дали ему воды, потом рисового отвара — его, кстати, Цай-гер помог приготовить. Юй-ланчжун сказал: если через две четверти часа не будет ни рвоты, ни поноса — можно будет нести ребёнка домой.

Жена Чжуанцзы слушала, как заворожённая. Образ Юй Шанчжи, которого она увидела сегодня и того, каким его описывали окружающие — точный, спокойный, уважаемый, даже... надёжный, совсем не совпадал с тем человеком, о котором рассказывала её младшая сестра.

А ведь свою сестру она знала как облупленную — та не из тех, кто врёт или преувеличивает. Откуда же тогда пошли эти слухи? Неужто Юй Шанчжи успел кого-то сильно обидеть в деревне Баньпо?

Лэ-гер, заметив мрачное выражение на её лице, решил, что она тревожится за ребёнка. Все в деревне знали, что их младший сын родился поздно. Не зря ведь: старшая сестра уже замужем, а младший брат всё ещё в луже копается.

— Тетушка, все не так уж страшно, — осторожно сказал Лэ-гер. — Раз вы уже здесь, у Юй-ланчжуна, — значит, с ребёнком всё будет в порядке. Вы же слышали — даже у старосты правнук, тот самый двухлетка, что и встать не мог, — теперь ест, пьёт, ожил прямо на глазах.

Жена Чжуанцзы натянуто улыбнулась и кивнула:

— Верно ты говоришь...

Лэ-гер понял, что разговор продолжать не стоит, только ещё пару слов утешения добавил — и вновь склонился к своему сыну, продолжая его укачивать.

В доме царил суета, народ приходил и уходил, слышались голоса, тихие шаги, глухие вздохи. Не заметили, как миновала полночь. Те, кто приносил детей раньше, уже начали по одному забирать их домой — температура спадала, состояние стабилизировалось.

И в конце концов в комнате осталась лишь семья Чжуанцзы.

Юй Шанчжи в завершение ещё раз проверил пульс ребёнка, а потом — уже почти осипшим голосом от всего дня разговоров — сказал:

— Когда понесёте его домой, накройте голову, не давайте простудиться. Лекарство давайте по расписанию. Вы привели его вовремя, хоть и развилось всё стремительно — выкарабкается. Минимум шесть-семь дней, максимум — не больше десяти, и болезнь отступит.

Жена Чжуанцзы, к этому моменту, похоже, уже полностью утратила прежние предубеждения. Она первой шагнула вперёд и искренне произнесла:

— Спасибо вам, Юй-ланчжун. Простите, что так поздно побеспокоили...

Юй Шанчжи, хотя и выглядел совершенно измученным, всё же с усилием встал, опершись на руку Вэнь Ецяя, и, прихрамывая, проводил их к выходу.

— Я хоть и врач, и живу этим ремеслом, но на самом деле больше всего хочу, чтобы вы все были здоровы, чтобы ни у кого не было ни бед, ни болезней. Уже ночь глубокая, несите ребёнка домой, пусть отдохнёт.

Чжуанцзы, неся на руках полудремящего сына, благодарил бесконечно, раз за разом, пока не дошли до ворот. И лишь когда семья ушла в темноту, тот дух, что до сих пор держал Юй Шанчжи на ногах, словно растворился.

Он сделал несколько шагов обратно в дом — шаги будто по вате, неуверенные, качающиеся — а затем вдруг поддался слабости и рухнул, как срезанный.

— Шанчжи! — с криком бросился к нему Вэнь Ецай.

.....

И в этот миг стало ясно, как важно, что у Вэнь Ецяя, несмотря на то что он гер, была немалая сила.

Он сразу поднял Юй Шанчжи на спину и, не мешкая, отнёс в комнату, уложил в постель, сняв верхнюю одежду и заботливо укутав одеялом. Юй Шанчжи сознания не терял, просто чувствовал себя так, словно силы полностью оставили его тело — он не мог даже пошевелиться.

Вэнь Ецай подумал, что Юй Шанчжи весь вечер крутился без передышки и едва ли хоть немного воды выпил. Он тут же пошёл развести тёплой воды, добавил в неё немного сахара и стал поить его с ложечки. Тёплая сладкая вода согрела живот, и, прикрыв глаза, Юй Шанчжи отдохнул несколько мгновений, почувствовав, как головокружение слегка отступает.

— Я в порядке, просто вымотался. Высплюсь — и пройдёт, — проговорил он, сжав пальцами виски. Голос у него был едва слышный — только Вэнь Ецай мог разобрать.

Тот наклонился ниже, улёгся прямо поверх него, прижимаясь всем телом.

Юй Шанчжи нащупал рукой его макушку и провёл пальцами по волосам, а Вэнь Ецай, тихо, будто самому себе, сказал:

— Ты ведь и так чувствовал себя плохо из-за нового отвара, а тут ещё и это... Заболевают один за другим, даже крепкий человек на твоём месте свалился бы, а уж ты — тем более.

— Такова судьба доктора, — ответил Юй Шанчжи спокойно. — Болезни не выбирают времени. Никто ж не договаривается, когда мне будет удобно.

Вэнь Ецай пробормотал:

— Я это всё понимаю... Но как же моему сердцу не болеть?

Он поднял глаза и посмотрел на Юй Шанчжи: тот за последние дни явно ещё больше исхудал — подбородок заострился, лицо похудело, из-за чего и без того большие глаза казались ещё больше.

— Как только всё уляжется, я тебя обязательно хорошенько откормлю.

Они поговорили ещё немного, и вскоре голос Юй Шанчжи затих.

Вэнь Ецай, стараясь не шуметь, встал, тихо умылся, переоделся и на цыпочках лёг рядом, аккуратно прижавшись к его спине. Даже во сне Юй Шанчжи, словно что-то почувствовав, повернулся на бок и полубессознательно прижал к себе Вэнь Ецай, обняв его.

Тот украдкой вытянул руку и замер, оценивая на ощупь — его муж словно был сложен из тонких веточек: талия — как у самой стройной девушки в деревне, практически можно обхватить одной рукой.

Нельзя так, подумал он. Надо кормить мясом, и побольше.

Юй Шанчжи свалился всерьёз — куда хуже, чем они ожидали. Не исключено, что дело было в остаточном яде, который, очищаясь, выходил наружу, потому что зрение у него в последние дни и правда понемногу возвращалось. На следующий день, к полудню, он с трудом осмотрел ещё двоих детей, а потом настолько ослаб, что не мог даже сидеть без головокружения.

Хорошо хоть, что всех заболевших детей в деревне он уже успел осмотреть и назначить лечение, теперь всё зависело от того, насколько аккуратно семьи будут следовать предписаниям. Если не нарушат, всё должно обойтись.

Но то, чего Юй Шанчжи не ожидал, — это того, что семьи заболевших, узнав о его недомогании, одна за другой начнут приходить к нему домой с дарами, чтобы навестить и отблагодарить. А ведь в деревне жизнь и так нелегка. Даже эти лекарства, что дети принимали, обошлись семьям в несколько сотен вэней. Поэтому Юй Шанчжи строго сказал Вэнь Ецаю: ни в коем случае нельзя больше принимать от них никаких подношений.

И вот, когда одна из женщин попыталась передать что-то, пусть и скромное, Вэнь Ецай, не моргнув, вежливо, но решительно отказал.

А в это время жена Чжуанцзы выглянула из-за стены во дворе дома семьи Вэнь. Молча посмотрела на всё происходящее... и тихо вздохнула.

Она опустила глаза на старую курицу с перевязанными крыльями — ту самую, что уже давно перестала нести яйца. Пора было ее зарезать и приготовить, и изначально она собиралась оставить её для себя, к столу. Но, стоило услышать, что Юй Шанчжи слёг, первым её порывом было схватить именно эту курицу и отнести ему.

Вспоминая, как прежде, под влиянием слов своей младшей сестры, она отнеслась к Юй Шанчжи с предвзятостью, жена Чжуанцзы испытывала стыд: какой же глупой она была, как несправедливо судила... И теперь эта старая курица стала для неё чем-то вроде извинения. И благодарностью за то, что Юй Шанчжи спас её младшего сына. Но сама она... ни за что не осмелилась бы прийти и вручить подарок лично.

Подождав немного, и убедившись, что в доме стихли голоса — вероятно, Вэнь Ецай уже ушёл внутрь, она быстро подбежала, выглянула из-за угла, и, убедившись, что у ворот никого нет, тихо положила курицу у порога... и тут же убежала.

С этой самой курицей и началось: другие тоже сообразили, как поступить. Все уже знали, что семья Вэнь отказывается принимать дары, но если нести поодиночке, незаметно, то кто узнает, от кого что?

И к вечеру, когда Вэнь-эрню вернулась домой, загоня вола и уток, она застыла у входа, не решаясь переступить через порог. Перед воротами, в полной тишине, лежала целая куча — зелень, мешки с рисом, узелки с яйцами, аккуратно завернутыми в тряпки. А в самом углу сидела курица с перевязанными крыльями — голова поникшая, вся сжалась от страха: видно было, что она вот-вот умрёт не от ножа, а от одного только взгляда двух собак, Давана и Эрвана, которые уже капали на нее слюной.

— Брат! Иди скорее, посмотри! — закричала Вэнь-эрню, надрывая голос.

Вэнь Ецай, бросив всё, поспешил во двор, и, увидев, что творится у ворот, вместе с сестрой остолбенел.

— Ну и ну... — пробормотал он, почесав в растерянности затылок. — Кто всё это принёс? Ведь ни имени, ни слова... Как такое вернуть?

Пока они стояли, не зная, что и думать, со стороны деревенской дороги показались новые фигуры.

Подошедшими оказались не кто-нибудь, а сам деревенский староста Сюй Байфу, в сопровождении Сюя Циншуйя.

— Староста! — поспешно окликнул Вэнь Ецай. — Что ж вы сами пришли? Как там Лянь-цзы?

Первая мысль, разумеется, была о ребёнке.

Сюй Байфу, заложив руки за спину, с улыбкой ответил:

— Лянь-цзы в порядке. Эти дни сыпь чешется, но мы, по совету Юй-ланчжуна, сварили полынь и протираем ему кожу — заметно полегчало. Я вот услышал, что Юй-ланчжун, в заботах о чужих детях, сам слёг — вот и решил навестить.

Вэнь Ецай и не ожидал, что староста сам вспомнит о таком.

— Он меня вчера напугал не на шутку, — признался он. — Сейчас спит в комнате, восстанавливается.

Сюй Байфу окинул взглядом двор и сказал:

— Раз так, не стану тревожить. Вы ведь, небось, в эти дни за всеми заботами и поесть толком не успеваете. Я принёс немного домашних маньтоу — хотя бы на раз хватит перекусить.

Сюй Циншуй снял крышку с корзины, и в ту же секунду из неё потянулся тёплый, душистый пар. Вэнь Ецай заглянул — да это же настоящие маньтоу из белой муки.

Белые маньтоу — вещь в деревне редкая. Такие булочки из очищенной муки почти никто себе не позволял: за весь год несколько раз, не больше, даже в доме Сюй, где жилось получше, готовили их разве что раз-другой в месяц, чтобы побаловать себя.

А тут староста принёс сам — отказаться уж никак было нельзя. Вэнь Ецай, поблагодарив, принял корзину, и тут заметил, что взгляд Сюй Байфу упал на груды вещей у ворот.

— А это что? — спросил он.

Вэнь Ецай пояснил:

— Это всё — от деревенских. Шанчжи строго-настрога велел: ничего принимать нельзя. Он ведь за осмотры деньги брал, не задаром работал. Говорит, не положено больше брать. Только вот... пока я за ним ухаживал, всё это натаскали под ворота. Кто принёс — неизвестно. Как возвращать — непонятно.

Сюй Байфу, выслушав, медленно кивнул:

— Это, в конце концов, людская благодарность. Раз уж так, пусть останется, возьмите. Не обижайте их доброе сердце.

Слово старосты — закон. Получив одобрение, Вэнь Ецай вместе с Вэнь-эрню начали переносить всё во двор, а потом проводили Сюй Байфу с Сюй Циншумом обратно.

Что же до той самой старой курицы, долго она не протянула. К вечеру Вэнь Ецай забил её, оципал и сварил густой, наваристый куриный бульон. Добавил туда и немного сушёных ягод годжи, которые раньше использовали для отвара, чтобы укрепить зрение Юй Шанчжи.

Юй Шанчжи проснулся уже к вечерней трапезе — запах свежего, тёплого куриного супа окутал всё пространство, и, как ни слабо он себя чувствовал, аппетит у него всё же едва-едва проснулся.

Юй Шанчжи полулежал, прислонясь к изголовью кровати, а Вэнь Ецай тем временем аккуратно, ложка за ложкой, подносил ему ароматный куриный бульон к губам. Курица была разварена, все кости предварительно вытащили — можно было есть, не прикасаясь руками.

— Вот уж и впрямь живу теперь, как небожитель: одежда сама надевается, еда сама в рот идёт, — с лёгкой иронией заметил Юй Шанчжи.

Вэнь Ецай подул на ложку с супом:

— Если бы это помогло тебе побыстрее поправиться, я бы и вовсе ночами не спал, лишь бы ухаживать за тобой.

Он зачерпнул кусочек мяса, положил рядом пару ягод годжи:

— Давай, ещё ложечку.

Зная, что дальше Юй Шанчжи начнёт чувствовать пресыщение и попросту не сможет есть, Вэнь Ецай вовремя остановился. Он не брезговал и не стал менять посуду — просто взял ложку, которой тот ел, и доел остатки прямо из его чашки.

— А Санья как, в порядке в эти дни? — спросил Юй Шанчжи, прополоскав рот тёплой солёной водой после еды.

— Всё хорошо, — кивнул Вэнь Ецай. — Вот если бы это была Эрню — она бы не вытерпела, если ее не выпускать из дома, она бы с ума сошла. А Санья с детства тихий, да и здоровье у него неважное, часто неделями дома сидел — ему не впервой.

Юй Шанчжи с облегчением вздохнул:

— Вот и хорошо. Хотя мы и следим за чистотой, всё равно нельзя быть до конца уверенным, что Санья не подхватит. Эрню уже большая, крепкая, за неё я не так волнуюсь.

Поставив опустевшую посуду на край стола, Вэнь Ецай добавил:

— После всего этого, глядишь, и вся деревня урок усвоит: больше никто не станет пить некипячёную воду, и не позволят детям бегать где попало, возвращаться все в грязи — и даже не умывшись, бегом к столу.

В действительности в эту эпоху не то что в деревне, но и в самом городе чистоплотностью особо не отличались, а потому и болезни распространялись с пугающей лёгкостью.

Юй Шанчжи на миг задумался, затем произнёс:

— На самом деле, больше всего бед от нечистых выгребных ям. Как только поправлюсь, надо будет подумать, как бы переделать наш нужник.

Вэнь Ецай поднялся и заботливо заправил ему одеяло:

— Отдыхай, хватит думать о всякой ерунде. Ещё и до уборной добрался, — проворчал он, нарочито сердито. — Выпьешь лекарство и быстро спать, понял?

Юй Шанчжи послушно втянулся под одеяло:

— Хорошо-хорошо, слушаюсь тебя.

Спустя некоторое время он допил последнюю чашку настоя для глаз, но был не в силах понять, подействует ли он или нет. Может, завтра, проснувшись, он уже сможет видеть, а может, все

эти дни волнений и нагрузок откинут прогресс назад, и всё пойдёт не так, как рассчитывалось. Если подумать, тот странный отвар, что он некогда составил вместе с прежним владельцем этого тела, уже не раз давал о себе знать. И вот теперь — решающая схватка.

С такими мыслями он тихо лёг, прижавшись к своему супругу, и надеялся, что хоть этой ночью удастся выспаться.

Вэнь Ецай проснулся резко, с сердцем, сжавшимся от тревоги. Рядом с ним Юй Шанчжи буквально горел, как раскалённый уголёк. Весь он был будто вынут из воды — даже волосы на лбу насквозь пропитались холодным потом.

А всё, что он сделал дальше... двигался он, как в тумане, будто тело само знало, что делать. Всё — на одних инстинктах.

Вся прежняя сноровка, накопленная за годы ухода за больными в семье, теперь пригодилась как никогда. Вэнь Ецай без усталости бегал к колодцу за водой, смачивал ткань и прикладывал её ко лбу Юй Шанчжи, чтобы хоть немного сбить жар.

Позже ему показалось, что этого уже недостаточно. Тогда он направился на кухню и вынес оттуда целый керамический кувшин с вином — один из двух, что когда-то привёз из Шуймоу. Изначально Вэнь Ецай собирался приберечь его до дня их свадьбы, чтобы выпить с Шанчжи свадебное вино. Он специально выбрал самое лучшее, крепкое, чистое зерновое вино, с ровным, насыщенным вкусом. Кто бы мог подумать, что пригодится оно вот так — в самую трудную ночь.

Он снял крышку с сосуда, вылил немного на ладонь и начал растирать Юй Шанчжи: шею, подмышки, ладони, ступни — все ключевые точки для охлаждения. И это старое, простое средство, в конце концов, дало результат. К глубокой ночи, приложив руку к телу мужа, он наконец почувствовал — тот стал не таким горячим, как прежде.

А для самого Юй Шанчжи прошедшие часы были мучением, которое не выразить словами. То его будто жгли на открытом огне, то внезапно бросало в ледяную, чёрную прорубь; дышать становилось всё труднее, рот раз за разом распахивался в жажде воздуха, а каждый выдох жёг горло, словно он вдыхал раскалённые угли. В полусознании он смутно чувствовал: Вэнь Ецай всё это время был рядом, ни на миг не переставал охлаждать его тело.

Молодой гер не знал усталости, его руки всё двигались, не останавливаясь ни на миг. Каждый раз, когда к его лбу прикасалась новая холодная ткань, Юй Шанчжи ощущал на мгновение облегчение, как будто волна жара отступала. Но стоило пройти минуте — и повязка снова становилась горячей от температуры его тела.

Но стоило температуре хоть немного отступить, как её место тут же заняла новая пытка — ломящая, обжигающая боль, пронизывавшая всё тело. Будто кто-то с холодной решимостью взялся за каждую его кость, вбивая в неё раскалённые шипы — один за другим, с тяжёлым молотком в руке, не пропуская ни одного сустава, ни одного позвонка.

Юй Шанчжи дрожал от боли, не в силах остановить содрогания, в бреду бился под одеялом в ознобе. Его трясло так сильно, что Вэнь Ецай перепугался до полусмерти.

В какой-то момент, сквозь мутную пелену сознания, Юй Шанчжи почувствовал, как его бережно прижали к себе — словно унесли из пекла в тёплые, чуть неуклюжие, но заботливые объятия. Кто-то гладил его по спине, утешая дрожащими руками.

Ночь стала адом — долгим, вязким, как вечность. Юй Шанчжи казалось, что он уже перешёл на ту сторону, побывал у самых врат загробного мира. И только когда боль начала понемногу утихать, тело окончательно обессилело. Он не столько уснул, сколько провалился — в обморок, в беспмятство, в полную темноту.

Очнувшись, он не сразу понял, сколько прошло времени, день сейчас или ночь. Он не знал, что за час, что за сутки — да и был ли он вообще жив?

Первое, что он ощутил — свет.

Со всех сторон, спеша друг с другом, в его глаза проникал свет. За последние дни он привык к вязкой, безликой темноте, и потому теперь этот слепящий белый был почти невыносим.

Потом белый свет начал сжиматься, фокусироваться, и когда сияние исчезло, перед ним открылся... мир.

Комната. Комната, в которой он шаг за шагом учился ориентироваться, в которой запоминал, где стоит стол, кровать, сундук с одеждой — на ощупь, по памяти, почти вслепую. А теперь он видел её. И, вероятно, из-за резкого света и всплеска эмоций, он вдруг почувствовал, как по щекам беззвучно скатились несколько непрошенных, чисто физиологических слёз.

Он только хотел поднять руку, чтобы стереть слёзы, как в поле зрения внезапно ворвалась чья-то фигура — и в ту же секунду слёзы были осторожно, с нежной бережностью, вытерты тёплыми пальцами.

Сердце Юй Шанчжи заколотилось громко, гулко, будто в груди у него забили барабаны.

Он медленно поднял взгляд.

С тех самых пор, как они впервые встретились, только теперь... только сейчас он впервые смог увидеть его.

Ясные черты, светлый, спокойный взгляд, брови — как мечи, глаза — как звёзды.

Это был он. Его А-Е.

<http://bllate.org/book/13600/1205953>